

ВСЕГДА РАДУЙТЕСЬ

Непрестанно молитесь. За все благодарите: **Ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе (1 Фес. 5, 16-18)**

БЛАГОВЕЩЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами (Лк. 1, 28).

Благовещение – это день благой вести о том, что нашлась во всем мире людском Дева, так верующая Богу, так глубоко способная к послушанию и к доверию, что от Нее может родиться Сын Божий. Воплощение Сына Божия, с одной стороны, дело Божией любви – крестной, ласковой, спасающей – и Божией силы; но вместе с этим воплощение Сына Божия есть дело человеческой свободы. Святитель Григорий Палама говорит, что Воплощение было бы так же невозможно без свободного человеческого согласия Божией Матери, как оно было бы невозможно без творческой воли Божией. И в этот день Благовещения мы в Божией Матери созерцаем Деву, Которая всем сердцем, всем умом, всей душой, всей Своей крепостью сумела довериться Богу до конца.

А благая весть была поистине страшная: явление ангела, это приветствие: «Благословенна ты в женах, и благословен плод чрева Твоего» не могли не вызвать не только изумления, не только трепета, но и страха в душе девы, не знавшей мужа – как это могло быть?..

И тут мы улавливаем разницу между колеблющейся – хотя и глубокой – верой Захарии, отца Предтечи, и верой Божией Матери. Захарии тоже возвещено, что у его жены ро-

дится сын – естественным образом, несмотря на ее преклонный возраст; и его ответ на эту весть Божию: Как же это может быть? Этого не может случиться! Чем Ты это можешь доказать? Какое заверение Ты мне можешь дать?.. Божия мать ставит вопрос только так: Как это может случиться со мной – я же дева?.. И на ответ ангела, что это будет, Она отвечает только словами полной отдачи Себя в руки Божии; Ее слова: Се, Раба Господня;

буди Мне по глаголу твоему...

Слово «раба» в теперешнем нашем словоупотреблении говорит о порабощенности; в славянском языке рабом себя называл человек, который свою жизнь, свою волю отдал другому. И Она действительно отдала Богу Свою жизнь, Свою волю, Свою судьбу, приняв верой – то есть непостижимым доверием – весть о том, что Она будет Матерью воплощенного Сына Божия. О Ней праведная Елизавета говорит: Блаженна веровавшая, ибо будет Ей реченное Ей от Господа...

В Божией Матери мы находим изумительную способность довериться Богу до конца; но способность эта не природная, не естественная: такую веру можно в себе выковать подвигом любви к Богу. Подвигом, ибо отцы говорят: Пролей кровь, и примешь дух... Один из западных писателей говорит, что воплощение стало возможным, когда нашлась Дева израильская, Которая всей мыслью, всем сердцем, всей жизнью Своей смогла произвести Имя Божие так, что Оно стало плотью в Ней.

Вот благовестие, которое мы сейчас слышали в Евангелии: род человеческий родил, принес Богу в дар Деву, Которая была способна в Своей царственной человеческой свободе стать Матерью Сына Божия, свободно отдавшего Себя для спасения мира. Аминь.

Митрополит Антоний Сурожский

Великий пост: без гарантий

Каким должен быть подход к Великому посту, чтобы в конце его не испытывать лишь усталость и разочарование? Отвечает протоиерей Павел Великанов, проректор Московской духовной академии.

Дерзну предположить, что самая опасная ошибка, которую может сделать человек, примеряясь к подвигу

Великого Поста, – попытаться найти гарантии духовного успеха. Это естественно для нас: иначе кто захочет «вкладываться» без гарантий, без «страхования вкладов»? И действительно: почему бы не придти к Пасхе с вычищенной добела душой и просто, без обиняков, задать Христу вопрос: «Господи! А вот и я, я готов, приходи ко мне. Ты видел, что я отпостился,

отмолился, отмучился: с моей стороны всё выполнено, я вполне готов – к Светлому Твоему Воскресению!» Ну а если ещё проще, то примерно так: «Господи! а как там с нашими духовными дивидендами?»... И вот как только человек с такими мыслями начинает поститься, он тем самым сразу уничтожает тот самый духовный плод, который может получить в результате полноценного и правильного прохождения этого духовного упражнения.

Неспроста Святая Церковь пред-варяет поприще Великого Поста под-

готовительными неделями, полагая, что внимательный христианин сам себя заставит задуматься над тем, почему он не должен молиться как фарисей, и почему он не должен ощущать себя в Церкви старшим сыном, который с презрением и изумлением смотрит на то, как младший сын, блудник и мот, возвращается к своему отцу, а тот его встречает с распростертыми объятиями.

Неделя о Страшном Суде окончательно расставляет все акценты. Ведь в этом евангельском чтении говорится не о том, кто постился, кто не постился, кто молился, кто не молился, а о том состоянии, с которым человек приходит на Страшный Суд. И это состояние, как правило, разительно отличается от того, что сам о себе думает человек.

Меня больше всего в этом чтении шокирует та искренность, с которой грешники недоумевают, почему их отправляют в ад. О, если бы им раньше сказали – уж они бы точно всё устроили, как полагаются! Но несоизмеримо больше шокирует та же самая искренность, с которой праведники недоумевают, из-за чего это они вдруг оказываются в числе избранных. Ведь то, за что они и получают в итоге возможность быть вместе со Христом в Царстве Небесном, никогда для них не было самоцелью. Всё это – и накормить, и напоить, и утешить – для них было нечто само собой разумеющееся, они по-другому не мыслили, не понимали, как можно иначе поступать в той ситуации.

Этими жёсткими притчами, звенящими в благодушном храмовом пространстве словно гвоздь по стеклу, Церковь выбивает из-под нас те самые ложные подпорки, которые мы постоянно стараемся создавать вокруг себя для того, чтобы пост проходил успешно и благодатно – с нашей точки зрения.

Сколько бы мы ни постились, как бы усердно мы ни молились, какие бы подвиги на себя ни взяли, в конечном итоге достигнув до полного изнеможения, озлобления и непонимания, кто и зачем это всё придумал, мы неожиданно оказываемся в том единственно правильном состоянии, в котором уже невозможно не поднять свои очи вверх к Богу и не сказать: «Господи, вот я такой, другого от меня не жди. А все остальное – зависит от Тебя».

И в этом, собственно говоря, и заключается смысл поста – в том, чтобы обрубить ложные, надуманные нами гарантии нашей близости к Богу, нашей «приличности» или даже «исключительности», чтобы вывернуть душу наизнанку, показать её, как она есть на самом деле. И показать, конечно же, не Богу – Он и так про нас все знает. Самому себе.

В этом состоянии, в чём-то близком к отчаянию, человек оказывается перед лицом Божиим уже без требования какой бы то ни было помощи, без

требований или ожиданий какого-то пришествия благодати. И вот, когда человек переступает уже через порог Великого Поста и вступает в Пасхальный праздник, у него, естественно,

Из записок матушки Арсении (Себряковой)

Гостояние души падшего грешника вполне соответствует словам Господа: «Терния и волчцы возрастит тебе земля». И земля нашего сердца постоянно растит страсти и грехи. Деятельность души, неосененной благодатием Божию, направленная к очищению сердца, всегда трудна, тяжела и бессильна. «В поте лица твоего хлеб твой снеси». С большим трудом, долговременным подвигом искореняются страсти, как терния из земли, и опять, при малом нерадении, при увлекающих случаях, они готовы возродиться, и родятся, и растут в сердце, заглушая семя слова Божия, не успевшего пустить в нем корни и окрепнуть, а не только принести плод и напитать душу. Едва очистится, со многим трудом, источник - ум наш, как опять потоки нечистых помыслов возмутят его, наполнят нечистотой и не дадут жаждущей душе напиться чистой воды Божественных откровений. «В поте лица твоего хлеб твой снеси».

С кровавым потом трудится и должна трудиться душа, чтобы не умереть ей с голоду, чтоб этим постоянным и тяжелым трудом не дать возрасть в себе терния страстей своих, чтоб не обратилась она в дебри, где звери витают, чтоб постоянным очищением, отсечением их, могла бы душа питаться тем насущным хлебом, который Великий Святель сеет на земле ее. Не оставляет Господь трудов человека без воздаяния. Пошлет дождь на землю ранний и поздний, и родит земля о себе траву, та же клас, та же исполнится пшеница во класе, как, он и не весть сам. Благодать Божия, осенившая душу, сожигает терние страстей и сама плодоносит плод. «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, имать живот вечный» и «реки из чрева его истекут воды живы». При таком только состоянии душа не возжаждет более и не придет и не захочет почерпать из земных источников. Наше же делание заключается еще в том, чтоб чистить постепенно эти земные источники, чтоб хоть по каплям пить из них чистой воды, а не черпать с мутной водой жаб и всякую нечистоту с нею смешанную. «В поте лица твоего хлеб твой снеси», - пока не напитает тебя хлеб, сшедший с небес.

уже не возникнет вопрос: «Господи, а что же такое? Где обещанная благодать? Я так тщательно постился, я так молился, я столько на себя подвигов взял – а никакой радости Воскресения нет!». Напротив, он скажет: «Как хорошо, что я не пытаюсь подделать в себе эту радость Воскресения – которой пока, увы, нет. Как славно, что все мои труды показали, что я должен быть благодарен Богу уже за то, что просто хожу по этой земле, более или менее здоров и могу что-то делать»...

Любое другое противоположное состояние души автоматически исключает, точнее, блокирует ту самую приходящую сверху небесную радость Христова Воскресения, которую мы никакими своими трудами не можем внутри себя искусственно воспроизвести.

Не помню, у кого точно, но где-то у святых отцов мне встретилась мысль о том, что Христово Воскресение подобно таинству, которое совершается внутри самой Церкви и в душах тех людей, которые являются частями этого тела. Это действительно совершенно удивительный момент соприкосновения человеческой предуготованности – и Божественной милости. Но как и когда происходит эта встреча, естественно, зависит прежде всего от Бога.

Почему святитель Иоанн Златоуст в своем слове, которое читается на каждом пасхальном богослужении, произносит странные с точки зрения благочестия слова: приидите, постившиеся и непостившиеся, воздержницы и лентяи? Тем самым, казалось бы, он полностью выбивает почву из-под всего церковного устава, который требует, чтобы человек со всяким вниманием и тщательностью соблюдал Великий Пост.

На самом деле здесь нет никакого противоречия. Да, очень важна наша человеческая сторона. Да, если мы это не делаем по каким-то причинам, мы тем самым свидетельствуем о каком-то странном отношении к Богу. Но вовсе не мера нашего поста определяет, придет ли Христос в душу человека или не придет.

Мы знаем, что бывают случаи, когда человек, никогда не постившийся и не ходивший в храм на протяжении всей жизни, оказывается вдруг внутри этой стихии пасхального богослужения, этой танцующей, ликующей радости. И его прошибает: он понимает, что здесь происходит что-то такое, что в миру в обычном состоянии не бывает. Это невозможно воспроизвести только человеческими усилиями, спев, развеселившись, потанцевав, выпив чего-нибудь горячительного. Всё это будет совершенно другого качества: та радость, которая пробивается сквозь службу, она иная, иная. Не будет той самой всепоглощающей торжественности, которым пропитано все пасхальное богослужение.

Иногда в первый день пасхального богослужения все стоят умявшиеся от праздничных приготовлений, с кислыми перепостившимися лицами, еле выжимают из себя «Христос Воскресе», но стоит немного понаблюдать, и заметно, как эти люди буквально на следующий день изменяются. Ведь и у души человека тоже есть определенная инерция. Она тоже требует постепенного вхождения в эту пасхальную ликующую радость. И в этом ничего страшного нет.

То, что человек не увидит внутри себя сразу этого отблеска Божественного света, совершенно не должно смущать. Наоборот, вдохновлять: я на своём месте, там, где и должен быть. Это хороший знак того, что по сути – все правильно, я не надеюсь на то, что во мне есть хотя бы какие-то малые требования или малые гарантии со стороны Бога, что если я сделаю то-то и то-то, Он обязательно приходит. Я делаю максимально всё, что могу, но

конечный результат полностью вверяю в Его волю. Если Он не хочет ко мне приходиться здесь и сейчас, если Он не хочет, чтобы я испытал эту полноту радости, которую, может быть, вокруг меня испытывают все остальные, надо остановиться и возблагодарить Бога за тот ценнейший опыт, которым Он нас научает: «Господи, мне уже хорошо от того, что я знаю, насколько без Тебя мне плохо!»

Подготовила Юлия Маковейчук

Сережин хлебушек

рассказ

Каждый вечер, уложив двухлетнего Сережку спать, бабушка доставала из кармана юбки ключ, который всегда был при ней, и направлялась в чулан. Там, притворив входную дверь и задвинув засов, извлекала из только ей известного потайного местечка другой ключ и отпирала большой дубовый ларь, в котором хранились запасы того ценного, без чего нельзя было выжить в трудные и голодные послевоенные годы, а именно: мука, соль, спички, сухари и зерно. Впрочем, и запасами-то это назвать было трудно. Муки оставалось совсем немного: треть мешка ржаной и половина ведра пшеничной. Сухарей тоже было меньше трети мешка. Зерно же бабушка и в расчет не брала: два ведра жита на весенний посев и небольшой мешок пшеницы, хранившийся как неприкосновенный запас на самый крайний случай. Радовал лишь запас соли, еще довоенный: серая, грязноватая окаменевшая глыба, занимавшая больше половины одного из четырех отсеков высокого ларя, из которой при помощи старого топора и добывалась соль.

В углу соляного богатства красовался десяток яиц, предназначенный к праздничному столу на Пасху Христову. Их бабушка втайне от внуков собирала от двух куриц, зимой живущих в доме под печкой, а сейчас свободно расхаживающих по двору и на вольных хлебах после зимней бескормизы нагуливающих формы, подobaющие настоящим хохлаткам.

Повздыхав горько над бесценными богатствами и прикинув, что до нового урожая богатств этих может и не хватить, бабушка бережно насыпала в отдельные баночки муки – немножко пшеничной и побольше ржаной, ставила баночки в плетеную корзинку, добавляла туда же из развешенных под потолком холщовых мешочков сушеную морковь, чернику и малину, запирала ларь, прятала ключ, запирала чулан и возвращалась в дом, где ее уже ждали старшие внуки. Девчонки Нина и Тоня уже успевали приготовить теплую воду и расставить три чистые глиняные кринки – одну большую и

две маленькие, а семилетний Вовка, родившийся летом сорок первого и с малых лет привыкший быть мужчиной в доме, приносил ведро с серо-зеленым порошком из заготовленной еще прошлым летом, высушенной и растолченной в ступе травы-лебедеи.

Бабушка наливала во все три посуды теплую воду, насыпала в одну из них пшеничную муку, в другую – ржаную, а в самую большую к ржаной муке добавляла порошок из лебедеи и расставляла миски перед внуками. Дети усердно и очень умело перемешивали эту массу: получалось тесто. Посолив и добавив дрожжи, бабушка ставила миски на шесток, где тесто до утра бродило и поднималось.

Рано утром бабушка топила печь, выкатывала тесто, готовила завтрак, а потом выпекала три хлеба: маленький пшеничный для двухлетнего Сережи, маленький ржаной делила на две части – одну побольше укладывала в туесок на обед сыну в поле, другую на обед невестке, добавляла туда по паре картофелин и по головке лука.

Третий же хлеб, с лебедой, тоже резала пополам, одну половину убирала на полку – широкую деревянную полку, расположенную под самым потолком. Половина эта предназначалась на ужин. Чтобы не искушать старших внуков, на ту же полку убирался и душистый Сережин хлебушек. Оставшуюся половину хлеба бабушка делила между старшими внуками на завтрак и на обед, утром добавляя к хлебу пюре из картошки, иногда с грибами, а днем, в обед, – горячий суп из овощей, приправленный горстью ячменной или овсяной крупчатки.

Сама бабушка хлеб не ела, довольствовалась жидким супом и морковным чаем.

Дети мигом съедали свои порции, а потом смотрели, как бабушка кормит Сережу, раскрошив часть белого, вкусно пахнущего хлеба в топленое молочко, половину литра которого каждый день брали для Сережи у прижимистой соседки Полинии, которая перед тем, как отдать банку с молоком, а молоко она давала только

вчера, обязательно снимала с него сливки, после чего ставила в тетрадке крестик – вела учет, чтобы осенью, после сбора урожая и расчетов с колхозниками, получить за молоко деньги.

Глядя на голодные глаза внуков, на их худые, изможденные фигурки с выпирающими, распухшими от недостатка пищи и витаминов животиками, бабушка тихонько говорила им:

– Потерпите, мои милые, вот придет лето, ягоды собирать будем, потом грибы, щавель уже на пригорочках расти начал, полегче будет. А уж как осень-то настанет, получат папа с мамой пшенички за работу, муки намелом белой, пирогов испечем больших да сладких, наедемся досьта. А к зиме, Бог даст, и козочку купим, с молочком своим будем. Коровку-то нам не осилить. Жаль, пала наша Краснуха, не пережила войну. А Сережа-то ведь маленький совсем, нельзя ему хлебушек черный, да с лебедой, кушать, и без молочка нельзя, иначе он заболает, а как заболает, так и сами понимаете, что случиться может.

Девчонки и Вовка слушали бабушку и все понимали, но все равно очень хотели и молочка тепленького, и хлебушка беленького, да так хотели, что однажды и не удержались.

Сережка крепко спал, а бабушка, наказав девочкам строго смотреть за малышом, ушла в лавку за керосином. Вовка, проводив бабушку за калитку, быстро вернулся в дом, залез на стол и достал с полки вкусно пахнущий Сережин хлебушек. У него и в мыслях не было его съесть. Он просто хотел подержать его в руках и понюхать.

Вовка с наслаждением вдыхал вкусный аромат свежего хлеба и не смог справиться с желанием своим. Сначала он лизнул хлебушек, а потом и откусил его – совсем немножко. Вбежавшим на кухню сестренкам, оторопевшим от открывшейся картины, тоже досталось по маленькому кусочку вкусного счастья.

Завершив блаженство, дети не на шутку перепугались. Вернувшуюся с керосином бабушку они встретили дружным плачем, уверенные, что погубили Сереженьку, теперь он обязательно заболает, а чем закончится эта болезнь, страшно и представить.

Добрая, милая и все понимающая бабушка крепко обняла всех троих, горько плачущих и искренне раскаивающихся в детской своей слабости, прижала к себе и, сдерживая рыдания, целовала их в светлые родные макушки, а потом, справившись с эмоциями, успокоила:

– Всякое в жизни бывает. И не раз еще вы сделаете что-то не так. Жизнь гладкой не бывает, она как дорога:

идет ровно, а потом раз – и рытвина или поворот крутой. Главное – понять и почувствовать ошибку свою, искренне пожалеть о ней и постараться исправить. А как справишься, то и сердце обрадуется, и душа облегчится. Вы поняли, что неправильно поступили, и слава Богу! А Сереженьку сегодня картошечкой с молочком покормим.

Дети еще крепче прижались к бабушке, и их маленькие сердечки были

наполнены огромной любовью, все покрывающей и все поглощающей, той любовью, которую посылает Господь только детям – чистым, светлым и непорочным Своим ангелам.

Вечером бабушка молилась дольше обычного. Она не просила ни о чем. Она искренне благодарила Всевышнего за то огромное счастье, которое Он даровал ей.

Леонид Гаркотин

Чем Папа отличается от Патриарха?

Р течение нескольких недель внимание ведущих мировых средств массовой информации было приковано к Ватикану. Сначала неожиданный отказ от власти папы Бенедикта XVI, а затем избрание его преемника – папы Франциска, вызвало сотни комментариев. При этом очень редко можно было встретить по-настоящему квалифицированный анализ происходящих событий. Один из вопросов, которые никак не могли вразумительно пояснить журналисты, звучит довольно просто: а чем папа отличается от патриарха?

Чем отличается высшая власть в Католической Церкви от высшей власти в Церквях Православных? «Церковная православная газета» обратилась за комментарием к проректору Киевской духовной академии по научно-богословской работе, кандидату богословия, кандидату исторических наук, профессору Владимиру Бурега, который указал на наиболее важные из этих отличий.

Отличие первое: всемирная власть

Католическая Церковь является всемирной. Внутри католичества не может быть автокефальных Церквей в нашем понимании. Потому и власть папы является всемирной. Его власти подчинены все национальные Католические Церкви мира.

Православная Церковь имеет совсем другое устройство. Она существует как семья Поместных Церквей. Все Поместные Церкви равны между собой и могут самостоятельно решать все вопросы своей внутренней жизни. Каждая Церковь имеет своего Предстоятеля (Патриарха, Митрополита или Архиепископа), власть которого ограничена границами его Поместной Церкви. Никто из православных Патриархов не может распространять свою власть на территорию другой Поместной Церкви.

Отличие второе: абсолютная власть

С точки зрения католиков, папа обладает не только всемирной, но еще и неограниченной властью. Проще говоря, в Католической Церкви нет такой инстанции, которая могла бы судить папу. Он никому неподсуден.

В православии же Предстоятель всякой Поместной Церкви подсуден Собору епископов этой Церкви. Например, по уставу Русской Православной Церкви право суда над Патриархом Московским и всея Руси принадлежит Архиерейскому Собору. Так что ни один Патриарх не может обладать абсолютной властью не только во Вселенской Церкви, но даже в пределах своей собственной Поместной Церкви.

Отличие третье: безошибочное учительство

С точки зрения Католической Церкви папа обладает безошибочностью в вопросах веры и морали. Это значит, что в том случае, когда папа, обращаясь ко всей Католической Церкви, предписывает как общеобязательное какое-

либо учение относительно веры и нравственности, он не может ошибиться. Таким образом, папа сам по себе, а не с согласия Церкви может провозглашать новые догматы.

В Православной Церкви ни один Патриарх, ни при каких обстоятельствах, не обладает подобной «безошибочностью». На Православном Востоке хранителем вероучительного предания всегда считались Вселенские Соборы. Именно на Вселенских Соборах формулировались догматы, обязательные для всех членов Церкви.

Для католиков же Вселенским является только тот Собор, который созван папой. Если Собор не был санкционирован папой, то папа, по крайней мере, должен утвердить его решения. В противном случае собор считается незаконным. Таким образом, в католической традиции Вселенские Соборы фактически подчинены папской власти.

Отличие четвертое: светская власть

Папа является не только главой Католической Церкви, но и главой суверенного города-государства Ватикан. Это государство находится в центре Рима и охватывает площадь в 44 гектара. На этой территории расположен храмово-дворцовый комплекс, доминантой которого является собор святого Петра. Именно здесь находится официальная резиденция папы, а также центральные учреждения Католической Церкви.

Ватикан – это крошечное государство, на территории которого постоянно проживает менее тысячи человек. Но все же оно дает папе особый статус. С точки зрения международного права он является абсолютным монархом Ватикана и имеет своих дипломатических представителей по всему миру. Все это позволяет защищать интересы Католической Церкви политическими методами.

Хотя в истории Православной Церкви бывали случаи совмещения светской и духовной власти (например, более 300 лет Черногорские митрополиты одновременно являлись и князьями Черногории), все же это были лишь редкие исключения. Сегодня Православные Патриархи не имеют политической власти. Более того, Православная Церковь считает для себя принципиально недопустимым участвовать в политическом процессе или бороться за получение политической власти.

Можно было бы назвать и другие, менее важные, отличия между папой и православными Патриархами, но и сказанного достаточно, чтобы понять, что папа имеет в Католической Церкви совершенно особый статус. Православный взгляд на церковное устройство принципиально отличается от католического. На православном Востоке соборное начало всегда возвышалось над единоличным правлением. С точки же зрения католиков над Церковью возвышается папа.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ЭТУ ГАЗЕТУ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЦЕЛЯХ. ЕСЛИ ОНА СТАЛА НЕ НУЖНА, ОТДАЙТЕ ЕЕ ДРУГИМ ЛЮДЯМ ИЛИ ПРИНЕСИТЕ В ХРАМ.

Печатный орган прихода храма «Преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких». Тираж 200.

Настоятель прихода священник Алексей Суханов (тел. 8 904 410 8101). Распространяется бесплатно.